

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил Никифорович Полторанин — личность яркая и, что называется, неоднозначная. Потомок раскулаченных крестьян, журналист, доверенное лицо Бориса Ельцина в первые годы его правления, министр печати, вице-премьер.

Вроде бы законченный ельциноид. Однако в середине 90-х Полторанин резко порывает с ЕБН. Запускает в обиход словосочетание “лагерный иврит”, характеризующее, по его словам, “стиль массовой информации современности”. С восторгом отзывается о русских писателях — Валентине Распутине, Василии Белове, Юрии Бондареве, Викторе Астафьеве. Ещё будучи в правительстве, Полторанин поддерживает выдвижение Бориса Миронова на пост председателя Комитета РФ по печати. Спустя несколько лет протеже Михаила Никифоровича станет самым яростным обличителем российской власти, будет арестован — вместе с сыном Иваном Мироновым, проходившим по делу легендарного полковника В. Квачкова. Сам Полторанин так далеко в своём противостоянии власти не заходил. Но помогал опальному генералу Льву Рохлину, вынашивавшему планы отрешения от власти первого президента России.

О дружбе с Рохлиным Михаил Никифорович подробно рассказывает в только что опубликованной издательством “Алгоритм” сенсационной книге “Власть в протиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса”. С любезного согласия автора журнал публикует фрагмент главы, посвящённой Л. Я. Рохлину.

МИХАИЛ ПОЛТОРАНИН

ЛЕВ РОХЛИН, ИЛИ ОТКРОЙ, СТУЧИТСЯ СТАЛИН!

С генералом Рохлиным я раньше не был знаком. Знал из прессы, что это успешный и авторитетный командир Восьмого гвардейского корпуса, лучше других проявивший себя в Чеченской войне. Ельцин награждал его Золотой Звездой Героя, но он отказался: за гражданскую бойню стыдно получать ордена.

Интеллектуальные инвалиды от власти всегда подсовывали себе под мышки костыли из ярких личностей. Вот и Виктор Черномырдин, “паровоз” блока “Наш дом — Россия” (НДР), включил Льва Яковлевича в 95-м на парламентских выборах в тройку лидеров федерального списка. У самого “паровоза” пару не было отродясь, и генералу пришлось тащить на себе в Госдуму весь состав с порожняком. Кое-как доволоч.

Когда мы с Рохлиным сдружились, я узнал, что он тоже родом из Казахстана: только не Восточного, а Западного — из Аральска. По журналистским делам мне не раз приходилось бывать в том краю. Более безотрадного места я не видел. Пески, такыры, солончаки. Летом за 40 градусов жары, а зимой под 40 — мороза: и непрестанные пыльные бури. Мелкий и солёный

песок забивает рот, уши, глаза. Даже выносливые казахи стараются не сесть на берегах пустынного моря.

Какой бедой занесло сюда после войны еврея, отца Льва Яковлевича, генерал сам не знал. Только всё-таки появился, подарил русской женщине Ксении Гончаровой двоих детей, потом заделал на прощание сына и тут же исчез навсегда. Мы еще пошутили на сей счёт с генералом: есть на Арале местечко Барса-Кельмес, что в переводе с казахского – “пойдёшь – не вернёшься”. Там якобы издавна хозяйничают НЛО. Не иначе, это придумали неверные мужики.

К чести Льва Яковлевича, он не отказался ни от фамилии, ни от принадлежности к отцовскому племени, что иногда пытались использовать его недруги. А он был начисто лишён каких-либо национальных предрассудков, осуждал деление человечества по расовым признакам, чем покорял нормальных людей.

Познакомились мы с генералом летом 97-го года. Я давно ушёл из власти и создавал независимую телекомпанию ТВ-3, испытывая на себе чиновничьи ухищрения в выколачивании подачек. Однажды зазвонил телефон.

– Михаил Никифорович? – спросил голос. – Это Рохлин Лев Яковлевич, председатель комитета Госдумы. Отношусь к вам с глубоким почтением и хочу встретиться.

К вечеру он подъехал в мой офис в Доме на Набережной, с небольшой кожаной папкой. У него было усталое озабоченное лицо, а во взгляде чувствовалось добросердечие. Спросил, почему я ушёл из политики, и выслушав, сказал: а вот его угораздило в неё влезть, теперь столько узнал потайного – душа за Россию болит. Высокие слова у Льва Яковлевича не звучали напыщенно.

Он был откровенен, мне показалось, до дна. И верил, что я этой откровенностью не воспользуюсь в дурных целях. Очевидно, получил гарантии от кого-то из наших общих знакомых.

Генерал не собирался в политику: военный должен заниматься своим делом. Но премьер Черномырдин, возглавивший НДР, уламывал: надо подпереть крепким плечом партию власти. Конечно же, в интересах России – своих интересов Виктор Степанович никогда не держал даже в мыслях. Премьер сказал, что это не за так: они с Ельциным сделают для Рохлина всё, что тот захочет. Возможно, подразумевались вилла на деньги “Газпрома”, машины, квартиры. А генерал попросил помочь в перевооружении своего гвардейского корпуса и обеспечить его офицеров жильём. К тому же, ни нормальных бань у солдат, ни столовых.

Это мелочи для правительства, сказал ему премьер-вербовщик. Всё будет сделано, как только закончатся выборы. Пусть Рохлин находится постоянно на связи и контролирует выполнение.

Выборы прошли, и сколько ни пытался победивший Лев Яковлевич пробиться на приём к Черномырдину – всё впустую. По телефону его с премьером тоже не соединяли. О своих обещаниях Виктор Степанович тут же забыл. Ему было всё равно, кому крутить шарики – пенсионерам, шахтёрам или товарищу по предвыборному блоку. Во вранье он не уступал даже маэстро Ельцину.

Ну обманули, так обманули – генерал уж ни на что не надеялся. А встречи с премьером добивался как председатель парламентского комитета по обороне. У Льва Яковлевича накопилось к Черномырдину много вопросов. И не только к нему.

Ельцин с Грачёвым до зубов вооружили бородачей Дудаева и бросили против них молоденьких необученных русских ребят без нормальной огневой поддержки. (Помните, как грачёвские штурмовики бомбили в Грозном здание банка, скрывая чьи-то следы, а не оборонительные рубежи сепаратистов.) Полноценную артподготовку проводить было нечем – каждый снаряд на счету, как у Красной Армии в 41-м году. Проблемы с патронами, с транспортом для переброски боеприпасов и подкреплений.

За два дня (с 31 декабря по 1 января 95-го) в бездарной грозненской операции погибли полторы тысячи наших солдат и офицеров, ранения получили две с половиной тысячи. В Афганистане, где воевал Лев Яковлевич, даже за год таких потерь не несли. Ребята генерала брали дворец Дудаева тоже “на пупке”, но хитростью, вопреки дуроломным приказам из Москвы – потому и убитых были единицы.

Рохлин думал тогда, что наша Армия ещё с горбачёвской поры окончательно обнищала, если русскому солдату вместо патронов в бою приходилось использовать саперную лопату и штык. Но в Госдуме, затребовав у Минобороны документы и получив их, он сделал для себя безрадостное открытие.

Бородатые ваххабиты были вооружены для ближнего боя новейшими огнеметами “Шмель”, ПТУРАми, “подствольниками”, а наши пацаны с цыплячьими шеями сэкономили каждый патрон. И в то время, когда они истекали кровью, не дождавшись подмоги (поддатый Грачев сказал за рюмкой коньяка поддату Ельцину: “Мальчики умирали с улыбкой на устах”), со складов войсковой части 30184 в Моздоке отправляли самолётами Ил-76 и Ан-12 (68 рейсов!) 1300 тонн боеприпасов.

Из Генштаба Рохлину отписали, что эта секретная операция проводилась с ведома Президента РФ и “во исполнение решения Правительства Российской Федерации”. По указанию свыше Минобороны переправил в Армению также 50 новых танков Т-72, только что прибывших из Омска, 36 гаубиц Д-30, 18 гаубиц Д-20, 18 гаубиц Д-1, 18 систем залпового огня “Град”, 40 зенитных ракетных комплексов “Игла”, 200 ракет к ним, 12 600 артиллерийских снарядов и многое другое.

Передача вооружений Россией Армении – по версии властей, безвозмездная – проходила тайно, без заключения межгосударственных договоров, а командовала всем коммерческая фирма “PPP”, близкая к окружению Ельцина. Как это повлияло на масштабы гибели русских солдат в Чеченской войне, точно не посчитать. А вот финансовые потери страны генерал определил – более миллиарда долларов. Эти деньги достались околкремлевской мафии. На них, сказал мне Лев Яковлевич, можно было построить 30 тысяч квартир для военнослужащих.

На закрытом заседании Госдумы он озвучил эту информацию. Из Минобороны, из других закрытых ведомств к нему потянулись честные люди с новыми разоблачительными документами (некоторые данные он позднее передал мне). Генерал занялся расследованием урановой сделки Гор–Черномырдин и тайного вывоза в США золота, редкоземельных металлов, другого стратегического сырья. Оказалось, многие хранители дворцовых секретов, ошарашенные размахами грабежа народа, собирали по-тихому компру на “беспредельщика” Ельцина и ждали появления не болтуна-хитрована, а волевой порядочной личности, чтобы слить ей накопленное.

Рохлин ещё рассчитывал на мужской разговор с президентом, долго добивался с ним встречи. А кто он такой – ни олигарх с чемоданом “откатов”, ни посланец начальствующего Бнай Брита, ни даже поп-звезда напрокат, чтобы тратить на него время. Разговаривать с ним не собирались. Наоборот, генерала начали прижимать и травить в подневольной прессе. Он распространил обращение к Ельцину: “Вы обманули народ... Вы сдали свою армию...” В Кремле напряглись: это говорил не безвредный пушистый Зюганов, а боевой, авторитетный в стране генерал. За Ельциным стояли трусливые олигархи, готовые слинять за рубеж при первых раскатах выстрелов, и чинуши из Минобороны с большими карманами, набитыми “зеленью”, за Рохлиным – патриоты и все те, кто научился не бояться смерти в чеченской “зеленке”.

Зачем Лев Яковлевич пришел ко мне? Он поездил по регионам, побывал во многих гарнизонах: люди уже созрели для решительных действий, только ждали своего закоперщика. Безграничная наглость “семьи”, бесстыдство и жадность ее прихлебателей, растущие селевые потоки коррупции и бесправия достали народ. Рохлин задумал создать протестное “Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки” (ДПА) – искал сподвижников среди известных политиков-государственников. В его кожаной папке лежали черновые наброски Декларации ДПА, воззваний, уставных документов. Он хотел, чтобы я вчитался в них повнимательнее и привел в надлежащий вид. И еще он хотел, чтобы я стал членом ДПА.

Прямота Льва Яковлевича мне понравилась – не терплю криводушия в людях. Откровенность за откровенность: к тому времени я тоже окончательно понял, что продолжение ельцинского правления – катастрофа для страны. Но выковырнуть Бориса Николаевича из трона какими-то процедурными рычагами не получится. Во-первых, все рычаги Ельцин с олигархатом прибрал к своим рукам, а во-вторых, он плевал и всегда будет плевать на Конституцию: чуть что не так – разогнать, травануть газом. Расстрелять!

Рохлину я сказал:

– Я офицер запаса, командир артиллерийской батареи, но официально вступать в ДПА не намерен. Это нецелесообразно, это может повредить делу. Потому что многие помнят меня как человека из команды Ельцина и начнут подозревать ДПА в связях с Кремлём. Они же не знают наших отношений с президентом. Но я за ДПА и буду помогать вам всем, чем смогу. Я к вашим услугам!

Он оставил документы, над которыми мне пришлось основательно поработать. Потом мы встречались ещё, ещё и ещё – думаю, ФСБ вело подсчёт нашим постоянным контактам в течение нескольких месяцев. Он приводил ко мне для обсуждения перспектив ДПА ученых, полковников, генералов – в Госдуме за Львом Яковлевичем и его гостями уже присматривали вовсю.

Самым доверенным человеком у Рохлина был зять Сергей Виленович Абакумов – умница – успешный бизнесмен. Все свои деньги он вкладывал в дело тестя. (После убийства генерала его строительный бизнес разорили и не давали вздохнуть.)

Втроём мы прикидывали разные варианты. Готов ли Рохлин использовать ДПА как трамплин для избрания в президенты России – сторонников у него набралось бы достаточно? Страна нуждалась в своём де Голле. “Ни при каких обстоятельствах, ради такого не стоило разводиться бодягу с Движением” – это была твердая позиция генерала. (Да и кто бы дал ему возможность хотя бы зарегистрироваться кандидатом!) После убийства Льва Яковлевича борзописцы от олигархата ввалили обществу: он задумывал военный мятеж, чтобы самому занять кремлёвский трон и стать диктатором. Говорю как на духу: это совсем не так. Рохлин вообще не помышлял о политической карьере (прикипел к армии) и деспотическими замашками не отличался – диктаторы не берегут так жизнь своих солдат, как это делал генерал на Чеченской войне.

Хотя именно такой человек, как Рохлин, лучше других подходил к роли диктатора, конечно, в хорошем понимании этого слова, к роли объединителя и спасителя нации. Он прошел все войны, нанюхался горькой правды в окопах, поднимал ребят и ходил вместе с ними в атаку под пулями. Как ел в молодости щи из солдатского котелка, так и в звании генерал-лейтенанта, в должности комкора и председателя думского комитета не нажил себе никаких капиталов. Альтруист, готовый лечь костями за интересы народа. И люди были готовы идти за ним. Как раз такие диктаторы выводили свои страны из разрухи в процветающие державы – через мобилизацию нации, через индустриализацию, через беспощадное отношение к воровству и коррупции.

Да, он горел желанием и ставил своей целью отстранить “семью” от власти, чтобы предотвратить окончательное крушение России. Отстранить, принять участие в формировании Комитета Национального Спасения (КНС) – и отойти в сторону. А уже КНС должен был по Конституции провести демократические выборы президента, за которыми вчерашние хозяева страны – нувориши с шакалей завистью следили бы из тюрьмы или из зарубежного далека. Чубайсам с чубайсятами, наверно, страшно подумать, что ельцинский помазанник на царство мог пролететь мимо трона, как продовольственные деньги над Петербургом, доверенные Путину для спасения горожан в 91-м.

Рохлин согласился, что члены ДПА должны располагаться на двух уровнях. На первом – это открытое политическое движение, где собраны офицеры запаса, родители солдат срочной службы, казачество, интеллигенция, рабочие, шахтёры, моряки... Они участвуют в демонстрациях и других уличных акциях, не опасаясь “топунов”. А на втором, как бы подпольном уровне – это тайная группа верных соратников из действующих генералов Минобороны, МВД, ФСБ и действующих командиров войсковых подразделений. Им нельзя засвечиваться на публике, чтобы сразу не угодить под ельцинский нож. Они должны контактировать только с лидером ДПА и готовить к общей операции свои участки.

К моему удивлению, среди действующих генералов и командиров войсковых частей нашлось немало решительных патриотов, готовых постоять за страну. Они поверили в искренность и способности Рохлина. (“Топуны” президента работали спустя рукава, не обеспечивали хозяина Кремля точной информацией. После убийства Льва Яковлевича перепуганный Ельцин был вынужден провести массовую чистку командного состава “по площадям”: под нож попали причастные и не причастные.)

“Семью” ненавидели — что естественно! — те, у кого высасывал кровь этот спрут. Но даже некоторые попутчики Кремля не прочь были помочь генералу положить конец затянувшемуся “царству троглодита”. С одним знакомым банкиром я договорился о выделении для нужд ДПА крупной суммы. Поехали с Рохлиным в банк.

— Лев Яковлевич, — сказал я ему по дороге, — не раскрывайте полностью карты. Черт знает этих банкиров, вдруг в Кремль настучит. Скажите, что деньги нужны на газеты, боевые листки — на пропаганду идеей ДПА.

Кофе, французский коньяк, полутёмная комната, обнюханная секьюрити, — всё по западному стандарту. И приветливый хозяин, российский Ротшильд, без всякой фанаберии, с интересом взиравший на мятежного генерала. Рохлин изложил ему версию с пропагандой идеей, которую мы обговорили в машине.

— Что вы мне голову морочите — боевые листки, газеты, — завёлся банкир. — Не для этого генералы объединяются. “Семья” всех подняла против себя — какие еще призывы нужны? Я коммунистам устал давать деньги на их пропаганду — а толку? Где действия? Вы мне прямо скажите, сколько вам надо средств на гранатометы, на снайперские винтовки, на автоматы, на взрывчатку, чтобы поднять до неба кортеж. Я дам.

— Мы не террористы, — сказал ему Рохлин, — у нас легальная зарегистрированная организация. Мы пользуемся другими методами.

Они стали обсуждать детали финансовой помощи. Я их оставил, чтобы не мешать.

Что за манера у новых русских: чуть что, так сразу — взрывчатка. У генерала не было этих мыслей. Он опирался на признанное ООН право любого народа восставать против тиранической системы. Если хунта, узурпировавшая власть, перекрыла все демократические пути к смене режима, у нации не остаётся иного выбора, кроме как массовыми выступлениями, акциями неповиновения, всеобщими стачками прогнать поработителей.

Через дарительные ельцинские указы, через залоговые аукционы, через финансовые аферы олигархи рассовывали по карманам всё, что ещё не было разворовано. А рабочий люд, в том числе военнослужащие, месяцами сидел без зарплаты... Страна кипела. 23 февраля 98-го ДПА вывело на Лубянскую площадь больше двухсот тысяч человек. Рохлин сказал с трибуны, что Ельцина больше нельзя оставлять у власти. Кремль не решился посылать омовцев разгонять митингующих. Но к следующему разу дубинки готовились (и Рохлин эту информацию имел).

А в следующий раз — в конце лета — генерал с командой намеревались вывести на улицы ещё больше людей — приезжие шахтёры должны были занять места на Горбатом мосту и вокруг Белого дома. Требование: отставка президента и правительства.

И как только омовцы с дубинками начинали выдвигаться на позиции для атаки, в Москву вводились войсковые части. Министр обороны с другими ельцинистами отсекались от управления, командующие округов симпатизировали замыслам ДПА. А войска вводились для защиты народа от произвола властей и беспредела ментов. Читатель может легко представить себе поведение наших доблестных омовцев в такой ситуации, привыкших охаживать дубинками только безоружных людей... Руки вверх и возгласы: “Мы больше не будем, мы вместе с народом!” — вот их предсказуемая реакция.

По понятным причинам, я не любопытствовал сокровенными планами генерала: знал только то, чем он считал возможным делиться со мной. У них в армейской группе прошли дискуссии, какими должны быть конкретные действия. Ельцина решено было блокировать на даче — вырубить связь, электроэнергию, забить поехами сотовые телефоны, обесточить ядерный чемоданчик — и принудить уйти добровольно в отставку, передав по Конституции полномочия премьеру.

А уже премьер с согласия спикеров верхней и нижней палат парламента, и выполняя волю народа, поручал ДПА совместно с другими политическими движениями сформировать временно, до новых выборов, Комитет Национального Спасения, а сам уходил в отставку. Армия не с ними, народ не с ними, на Абрамовичей где сядешь, там и сползешь, обмазав власть в дерьме окончательно — другого выхода у них не было. (“Власть валялась на дороге”.)

В процессе дискуссий вставал вопрос: а вдруг Ельцин попросит военной помощи у Запада, и НАТО отправит ему на выручку десантные части? Прези-

денту спровоцировать бои в столице России – раз плюнуть. Кто-то предложил: на первом же этапе операции предупредить Бориса Николаевича, что если натовцы засуетятся со спасительными мерами, по ельцинской даче наши военные лётчики отбомбятся по полной программе. Ельцин любил бомбить свои города, обстреливать свой парламент, но превыше всего ставил личную безопасность и безопасность драгоценной семьи. (К нему приходил во сне по ночам Ипатьевский дом в Свердловске.)

После принятия отставки от Бориса Николаевича ему с домочадцами давали возможность отбыть за рубеж, в жаркие объятия кураторов (естественно, без сундуков). На всякий случай военные продумывали, как перекрыть взлётные полосы московских аэродромов и вокзалы. Баловни режима Шаймиевы и Рахимовы (как это было в 93-м) могли попытаться послать “царю Борису” подкрепление. Все охранные структуры олигархов предстояло разрушить, распушить. Их провокации должны были безжалостно пресекаться. Словом, обсасывались мельчайшие детали.

Рохлина пасли всё плотнее и бесцеремоннее. Он приезжал ко мне в офис – один или с кем-то, и в колодце двора Дома на Набережной, напротив наших окон, сразу появлялись серенькие “Жигули”. Однажды мы проверили топтунов. Я попросил ребят позвонить мне с неподконтрольного телефона. Они позвонили:

– Генерал у тебя?

– У меня.

– Мы давно собрались и ждём вас, – соврали ребята.

– Всё, прямо сейчас выходим и будем у вас минут через 15–20, – тоже соврал я серьёзным голосом. Водить за нос “хвосты” меня научила ещё соборовская работа в “Правде” по Казахстану, когда республиканские власти донимали слежкой журналистов центральных газет.

Мы приникли к щелкам закрытых жалюзи и увидели, как “Жигули” тут же сорвались с места и переместились к парадному подъезду, чтобы “сопровождать” нашу машину.

К стене дома, рядом с моими окнами, топтуны прикрепили монтажную люльку. Она висела без дела, но как только приезжал генерал, в люльке появлялись двое “рабочих” со швабрами и, поднявшись до уровня моих окон, начинали лениво водить ими по стене. Что называется, откровеннее некуда.

Как-то я привёз к себе на дачу надёжных губернаторов, подъехал Рохлин – они стали обсуждать возможный состав КНС. Пока жена накрывала стол, я вышел на крыльцо: с левой стороны от дома и с правой, в переулках, уже стояли на часах две серенькие “усатые машины” “Жигули”. (От рассматривания персоналий в состав КНС я всегда старался держаться подальше. Возвращаться во власть отказался при первых же встречах с генералом. И считал, что в ней нечего делать всем, кто был в правительствах Ельцина–Гайдара–Черномырдина. Для ДПА я выступал в роли бескорыстного “сводника”.)

От моей дачи до дачи Рохлина в Клоково, если добираться напрямиком по берегу Десны, около двух километров. Дачей Рохлина она только называлась: её строил из дешёвых силикатных блоков зять Льва Яковлевича Сергей Абакумов. И обстановка в доме была спартанская: старые, когда-то, где-то спитые кровати и диваны – все деньги шли на “дело революции”.

По предварительной договоренности с генералом, без телефона, я уходил в лес, и там меня, как бы проезжая мимо, подбирала “Нива” с зашторенными окнами, завозила в гараж рохлинской дачи, из которого внутренняя дверь вела на цокольный этаж. Там располагалась просторная комната, обшитая вагонкой, со столом и деревянными лавками – за этим столом мы и работали.

На единственном небольшом окошке комнаты помощники Льва Яковлевича развесили алюминиевую фольгу – от прослушивания. Потому что напротив, через поляну, начинался лесок, и на двух крайних елях топтуны соорудили что-то вроде лабаза: посменно следили оттуда, не хоронясь, за домом. Когда меня подвозила “Нива”, я припадал на минутку к дыркам в фольге. На лабазе наблюдалось шевеление: топтуны тщетно пялились биноклями в сторону дома – кого же там чёрт притащил.

Однажды военный вертолёт, доставивший к Рохлину генералов, завис для остротки над краем леса и коснулся колесами верхушек деревьев, обжитых сексотами. Топтуны посыпались с лабаза, как горох. А генералы, выйдя из вертолёта, смотрели с поляны на них и похихатывали.

– Неаккуратно работаете, – сказал я Льву Яковлевичу словами Васькова из “А зори здесь тихие...”, – ох, неаккуратно.

Для своей затеи Рохлин был опасно доверчивым, даже беспечным. Скажем, приводил он ко мне пару раз генерала, а потом этот генерал выветрился из его окружения. Спрашиваю: “Где он?” – “Отказался дальше идти – семья, дети. Я ему верю, он порядочный”. Хорошо, что порядочный, только надо заранее определяться с психологическими возможностями соратников.

Или предложил один из губернаторов отвезти к себе в регион и спрятать на время в укромном месте жену и сына Льва Яковлевича – Тамару Павловну и Игоря. Ни в какую! Рохлин почему-то предполагал, что если Кремль решит его ликвидировать, то постарается чужими руками организовать бытовуху, скорее всего пьяную драку. “А я же теперь пить не могу”, – смеялся наивный Лев Яковлевич, весь израненный и заштопанный эскулапами. Сколько раз я сидел с ним в компаниях, он действительно плескал на донышко несколько капель водки, заполнял остальную часть рюмки минеральной водой и пригублял содержимое.

Впрочем, ничто не мешало харизматичному генералу двигаться к цели. Готовились к массовым выступлениям шахтёры, казаки, бюджетники. На середину июля были запланированы крупномасштабные военные учения в примосковской зоне. А противодействие недругов и “подставы” товарищей были Рохлину, как взрывы-сигналы петард на рельсах для машиниста тяжелого поезда: впереди опасный участок, нужна предельная внимательность. Генерал стал отходить понемногу в тень.

В предпоследнюю нашу встречу мы с ним не нашли общего языка. Он сообщил, что ему звонил по поручению Ельцина глава президентской администрации Валентин Юмашев, предлагал на выбор несколько высоких должностей, только бы Лев Яковлевич “завязал” с ДПА. Рохлин отослал его вместе с Борисом Николаевичем в знакомые всем места. Но не по этому поводу мы разошлись с генералом. Я спросил его, кого они в “генштабе” Движения наметили порекомендовать главой КНС на переходный период. И услышал неожиданный ответ: Юрия Лужкова. Мы пили чай за журнальным столиком, так я чуть чашку не уронил. Стоило ли огород городить: хрен редьки не слаще.

– Это же временно, – вскинул брови Лев Яковлевич. – Без использования инфраструктуры и поддержки столичных служб нам не обойтись.

Я пытался объяснить генералу, что московскому клану очень рискованно класть палец в рот. Лужковская группировка, основательно прополов столицу, давно рвется на российский оперативный простор. Как клещ во власть вцепится – не отдерёшь. Но слова мои на Льва Яковлевича не действовали. Может, потому, что он знал гораздо больше меня. И дальше смотрел.

Мы не встречались долгое время.

Как-то мне позвонили поздним-препоздним вечером. Мужской суховатый голос дважды переспросил: я это или не я?

– Да я это, я, что вы хотели?

Он, не называя себя, представился знакомым Василия (этим именем для конспирации генерал называл своих агентов в службе безопасности президента) и без всяких предисловий проговорил:

– Вас заказали. Отодвиньтесь от Рохлина.

Я сразу не врубился и спросил: как это понимать?

– Отодвиньтесь от Рохлина, пока не поздно. Больше говорить не могу, – и в трубку – короткие гудки.

Он так и произносил “отодвиньтесь!”, будто я у стенки стоял.

Предупреждение доброжелателя из старой коржаковской команды? Попытка нагнать страху? Не поймёшь. Или меня оберегали от Рохлина, или Рохлина от меня? Задали нам задачку.

Созвонился на всякий случай с генералом – мы встретились на открытом поле совхоза “Птичное”, мимо которого пролегал путь Льва Яковлевича на дачу, в Клоково. Как оказалось, это была наша последняя встреча. Внешне он был спокоен, но внутреннее напряжение чувствовалось. Я сказал ему о звонке. Он попросил меня быть осторожным и прекратить с ним временно все контакты.

Я буду передавать сейчас то – конечно, не слово в слово, – что говорил Рохлин дальше. Этим же, насколько мне известно, он делился со своим зятем Сергеем Абакумовым, а может быть, ещё с кем-то. Не могу ручаться за достоверность фактов: за что, как говорится, купил, за то и продаю. Но ута-

ивать последний разговор с генералом не имею морального права. Пусть он даже воспринимается как предположение.

Лев Яковлевич сказал, что, по информации его агентов из службы безопасности “семьи”, четвёрка в составе Бориса Ельцина, дочери-имиджмейкера Татьяны Дьяченко, руководителя администрации Валентина Юмашева и зама руководителя Александра Волошина обсуждали варианты устранения лидера ДПА. Любые решения – автокатастрофа или пуля снайпера в людном месте, – посчитали неприемлемым, опасным для власти. Нужно организовать хитрую бытовую загогулину, чтоб была с “изюминкой”.

Кому поручить?

Рассматривали кандидатуру зама руководителя администрации Евгения Савостьянова. В своё время он был начальником управления КГБ по Москве и Московской области. Вертели так и эдак – отклонили. Психологически не готов. Набрался правозащитного мусора, работая с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Гавриилом Поповым, а в КГБ его занесло случайным порывом ветра. Демократ и чистоплюй. А нужен гэбист бериевской школы.

Татьяна Дьяченко с Юмашевым сказали Ельцину, что есть подходящий человек с хорошей выучкой – Тихий. Таким псевдонимом (Рохлин до разговора со мной не вычислил его) они нарекли другого кремлёвского чиновника. “У него холодные глаза и холодный рассудок”. Работайте, сказал им Ельцин, сделает – рассчитаемся. Если надо, пусть подключит грушников.

– Я не остановлюсь, успеть бы, – сказал генерал. На том мы с ним расстались

Не знаю, работала ли кремлёвская чета, когда и с кем? Но как-то так получилось, что в те же сроки убить Льва Яковлевича решила её жена – Тамара Павловна. Мыкалась с ним годами по гарнизонам, стала генеральшей, супругой любимого публикой депутата – пожить бы в своё удовольствие, пошиковать, потусоваться на элитных приёмах. А муж по-прежнему довольствовался только зарплатой, не балуя семью, ввязался в борьбу с властью. Невыносимо! Вот, с точки зрения церберов олигархата, и мотив для убийства. Но это мотив для человека с холодными глазами и пустой душой, привыкшего к роскошеству, а не для женщины с большим ребёнком, у которой кроме жалованья главы семьи – никаких источников существования.

Правда, граждан малоимущих в современной России на всех ярусах власти встречают лишь холодные глаза. Нарофоминский судья, впаявший срок жене покойного генерала, прямо так и подводил её к тюремной камере в обвинительном приговоре: “В связи с тем, что Рохлин активно занимался политической деятельностью, а Тамара Павловна Рохлина в этом видела угрозу безопасности семьи, поэтому она его убила”. Помри, жрец ельцинской Фемиды, лучше не напишешь!

Как была история темной для современников, так и останется темной для наших потомков? Рука какого дьявола с холодными рыбьими глазами закручивала сценарий?

Об этом убийстве много писали, и время кое-что расставило по местам. Вдаваться в детали не буду, тем более Тамара Павловна на свободе. Напомню только, что ранним утром 3 июля 98-го жену генерала запугиванием и психотропными препаратами вынудили пойти на самооговор. (“Три киллера в масках внезапно возникли под утро на кухне, заткнули ей рот, затащили на второй этаж. Там, прчась за её спиной, подвели к кровати и в упор выстрелили из пистолета с глушителем в висок спящего генерала”. Провели манипуляции с наградным оружием – для отпечатков пальцев вдовы. Могли её рукой нажать на курок, чтобы сломать окончательно психику. Потом избили Тамару Павловну – экспертиза зафиксировала “телесные повреждения, нанесённые 20 различными травмирующими предметами: носками ботинок и кулаками” – и удалились. Она в шесть утра позвонила врачу сына Игоря: “Эти суки приказали взять вину на себя. Если не возьму, они расправятся с сыном и дочерью. Я всё беру на себя”. Взяла. Вскоре пришла в себя и одумалась.)

Власть торжествовала. Это чувствовалось по реакции “семьи” и её покоехранителей, по злорадству телекомпаний, подконтрольных олигархату. Гладко получилось. Они не стали делать даже приличествующую паузу – мол, следствие идет, разберемся. В то же утро Емельянов, помощник “человека, похожего на генпрокурора Скуратова”, ткнул пальцем для журналистов во вдову: вот убийца!

Шеф ФСБ Ковалев и шеф МВД Степашин, будто только что развеявшие по Галактике чеченских боевиков и сиявшие, как медаль “За победу...”, причалили на автокаравеллах к невзрачной рабоче-крестьянской даче Рохлина, брезгливо повертели носами – и к микрофонам: все ясно, генерала убила его жена. И никакой политической подоплеки.

Правда, налетевшие с ними ищейки тщетно рылись в чемоданах и ящиках. Дочь Льва Яковлевича Елена вспоминала, как раздавались в доме разочарованно-раздраженные голоса: “Говорили, что у Рохлина горы компромата, а тут ничего нет”. В думском кабинете генерала тоже прощупали сейф. С трофеями ребятам не повезло. Нашли дурака-охотника, чтобы он порох держал в сырых местах!

Наверно, и впрямь вдова Рохлина была недовольна бузотерством супруга. Наверно, говорила ему, как говорят в сердцах иногда жены полушутя-полусерьёзно любимым мужьям: “Я тебя когда-нибудь кокну”. Без всякого “наверно” ей хотелось пожить спокойно и хорошо. Но как жить в государстве с такой изуродованной властью? Моральную ряху этой власти она разглядела – до морщин, до волосатых бородавок – в прокурорских кабинетах, где допрашивали её.

Они, голубые мундиры – верные слуги олигархата – чувствовали свою безнаказанность. (Потом они, по заявлениям адвокатов, многократно нарушали закон, специально искажали смысл показаний в протоколах допросов.) В этих кабинетах Тамару Павловну впервые пронзила мысль, что тысячу раз был прав Лев Яковлевич, задумавший избавить Россию от ельцинского режима.